

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 18

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

5 ОКТЯБРЯ.

ЖЕЛЪЗНОДОРОЖНЫЙ ДАНСЪ-МАКАБРЪ.

То, что происходило на мѣстѣ катастрофы, трудно передать, но нѣкоторые эпизоды какъ-то невольно вѣзались въ память. Вотъ длинный рядъ изуродованныхъ тѣлъ; въ ногахъ одного убитаго сидитъ какой-то комокъ. Вглядѣвшись, видимъ, старуха-казачка въ лохмотьяхъ, а къ ней склонившись — священникъ въ камилавкѣ. Она проситъ священника помянуть убитаго мужа Терентія Федоренко (казака), и дрожащими руками, покрытыми запекшейся кровью, изъ грязнаго платка вынимаетъ три рубля и передаетъ священнику. Послѣ того, какъ онъ записалъ на листкѣ бумаги имя Терентія Федоренко, она протягиваетъ еще 50 к. — на свѣчку. „Бабка, а есть ли у тебя еще деньги?“ — спросилъ кто-то. На это она отвѣтила, что у нея есть еще 50 к. Тогда священникъ возвратилъ ей 1 р. 50 к. сказавъ, что довольно и двухъ рублей.

Вотъ другая печальная картина: здоровенный простолудинъ, съ глазами, полными слезъ, проситъ судебного слѣдователя позволить ему увести тѣло его сына, лежащаго тутъ же, со сломанными ногами и грудью. „Нѣтъ, нельзя. Оказывается, докторъ еще не констатировалъ причину (?) смерти“, — говоритъ судебный слѣдователь, торопливо составляя протоколъ и записывая имена опознанныхъ жертвъ... „Смазчикъ такой-то — помята голова“... У этого смазчика одна нога переломана въ 100 мѣстахъ, а вмѣсто другой висятъ клочья мяса, и торчатъ, съ запекшейся кровью, на четверть аршина, обнаженная кость. На такую примѣту судебный слѣдователь не обратилъ вниманія.

Около 11 ч. утра къ мѣсту крушенія подходит шикарный поѣздъ, изъ 4—6 вагоновъ, изъ котораго вышелъ самъ начальникъ дороги, инженеръ Кригеръ, который, въ сопровожденіи 3—4 такихъ же шикарныхъ инженеровъ, обходитъ мѣсто крушенія.

Разборка вагоновъ ведется очень просто — зачаливаютъ вагонъ большимъ канатомъ и цѣпями за паровозъ и, давъ ходъ паровозу, рвутъ или канатъ съ цѣпями или часть вагона, или... страшно подумать, руки или ноги тѣмъ несчастнымъ, которые погребены подъ обломками. Многихъ убитыхъ вынули изъ-подъ обломковъ послѣ нѣсколькихъ часовъ такой работы — случайно былъ вынутъ изъ купѣ 2-го класса одинъ тяжело раненый. Это было около 11 ч. утра, т. е. послѣ катастрофы приблизительно часовъ черезъ 9.

По сообщенію „Р. Сл.“, главныя улики противъ Владикавказской дороги — гнилыя шпалы на мѣстѣ крушенія — сожжены на кострахъ... для освѣщенія мѣста катастрофы.

Нѣкоторые пассажиры насквозь протыкали деревянными палками шпалы недалеко отъ мѣста крушенія.

Все это (т. е. все ужасы катастрофы „спасанія“ потерпѣвшихъ) блѣднѣетъ и отходитъ на задній планъ въ сравненіи съ тѣми стараніями, которыя пущены въ ходъ, чтобы немедленно создать версію о зломъ умыслѣ.

Новая катастрофа.

ДВИНСКЪ, 23/ix. Ночью произошла страшная катастрофа. Пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Кіева, у самой станціи столкнулся съ локомотивомъ Петербургскаго почтоваго поѣзда. Число убитыхъ 14 человекъ, раненыхъ около 30. Пострадали пассажиры исключительно 3-го класса.

Рис. А. Радакова.

Смерть: — Инженеръ, оплачь свои жертвы!
— Охотно. Только позвольте сначала посмотрѣть, какого класса у нихъ билеты. Если перваго — съ удовольствіемъ!

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

которую голыми руками разрывали на части многіе пассажиры, беря куски на память о „соломенной“ дорогѣ, какъ сами желѣзно-дорожные служащіе называютъ ее.

СПРАВКА.

Нѣкоторые изъ прибывшихъ въ Петербургъ пассажировъ злополучнаго кіевскаго поѣзда передаютъ, что основной причиной катастрофы явилось недостаточное освѣщеніе на станціонномъ пути и примитивный способъ сигнализациіи путемъ фонаря. Стрѣлочникъ подавалъ сигналы, но ихъ не замѣчали.

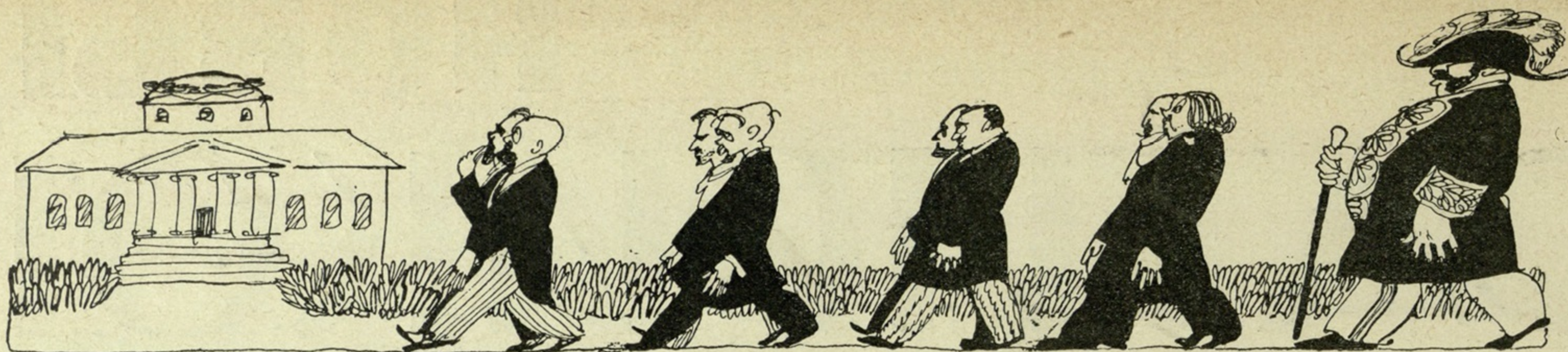
„День“.

— Трудно опредѣлить, какое количество пострадавшихъ, такъ много обломковъ, вывощенныхъ шпалъ, рельсовъ, разбитыхъ въ щепы вагоновъ, такъ сильно разрыта насыпь. Около валяются изувѣченныя, полусасыпанныя трупы, которыхъ постепенно отрываютъ и увозятъ. Пострадавшіе преимущественно изъ бѣднаго сословія — пассажиры третьяго класса; Три вагона разбиты вдребезги, не считая большинства измятыхъ и полуразрушенныхъ.

Группа пассажировъ, обратила вниманіе, что почти въ сѣ вернутыя шпалы оказались настолько гнилы, что даже крошились въ рукахъ.

Въ залѣ телеграммъ „Вечерняго времени“ выставленъ обломокъ, привезенный г. Покровскимъ, одной изъ тѣхъ шпалъ, которыя были раскиданы и разворочены на мѣстѣ катастрофы. Желающіе могутъ сами убѣдиться, насколько доброкачественъ строительный матеріалъ Владикавказской ж. д.

Вечернее время.

Человѣкъ

ОТКРЫТИЕ.

Учитель. — Равненіе на пра-а-аво! Въ ногу. М-а-а-ршь!!.

СОНЪ ДЕКАДЕНТА ИЛИ ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВѢЧКА.

Новосибирская
областная научная
Библиотека
№ 8717111 / 4566

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Леда.

На оставшейся парѣ скрипучихъ досокъ
Онъ отдался волшебному мигу
И храпѣлъ, подложивши подъ звонкій високъ
Лишь одну самодѣльную фигу.
Колдовала владычица-греза...

Долой

Всѣ превратности жизни собачьей:
Вотъ идетъ къ нему слава съ гремящей хвалой,
Съ фиміамомъ и... собственной дачей.
Упиваясь бряцаньемъ несчетныхъ кадилъ,
Подъ немолчные всплески оваций,
Онъ и въ баню сходилъ, и животъ зарядилъ,
И упился виномъ, какъ Гораций.
Не стихаетъ въ карманѣ плѣнительный хрустъ...

И, безмѣрную прыть обнаруживъ,
Обзавелся онъ парой прилипчивыхъ устъ,
И симфоніей шелка и кружевъ.
И, прорѣзавъ зеркальныя глади чела —
Вся поэзія, скорбь и загадка
Съ переносъ по самое темя легла,
Безнадежно глубокая складка.
А услужливый критикъ и въ самомъ носу —
Носъ, дѣйствительно, былъ чрезвычайный —
Отыскалъ и былыхъ откровений красу
И Эрота грядущаго тайны.
И живые ряды аппетитнѣйшихъ сценъ
Промелькнули на бойкомъ экранѣ:
„Какъ живетъ и творитъ нашъ извѣстный N. N.“ —
На Парнасъ... въ редакціяхъ... въ банѣ...
Вотъ онъ спитъ... ловитъ блохъ... вотъ впадаетъ
въ запой...

Вотъ извивы желудка и почекъ...
Вотъ упорный, безспорный стоглавъ-геморой...
Вотъ и... пятна немыхъ сорочекъ!
Стоны, хлопанье, визгъ... Не жалѣй каблуковъ!
Вотъ чья слава во вѣкъ незакатна!
Несомнѣнно — ты солнце грядущихъ вѣковъ:
Мы вѣдь видѣли, видѣли пятна!
Словно сыръ подъ стекломъ, на виду у людей,
Онъ не могъ ни извергнуть, ни скушать,
Безъ того, чтобъ иной хитроумный злодѣй
Не успѣлъ его снять и подслушать.
Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Онъ ужъ сталъ
нездоровъ.

И Пегасикъ ударился въ норовъ:
То брыкается шутъ, то свезетъ его въ ровъ,
То въ грязи заночуетъ, какъ боровъ.
Не стоитъ алкоголь — хоть совсѣмъ не глаголь: —
Все въ туманѣ — ни риомы, ни слога.
Тру-ту-тѣ, тра-ля-ля... А премудрости соль
Стала будто бы прѣсной немного.
Что такое?... Шумятъ: „Ну, какой онъ талантъ!
Полно въ мистику буркалы паялить“.
И какъ въ оные дни, всякій клопъ-дилетантъ
Безнаказанно могъ его жалить.
И когда, наконецъ, чтобъ измять тоску,
Онъ, счастливеецъ, въ рѣшимости шустрой,
Выбралъ толстый канатъ и на модномъ крюку
Завертѣлся задумчивой люстрой;
И когда его ликъ посинѣлъ и поникъ
Въ угасающемъ кружевѣ мыла, —
Не заплакалъ о немъ ни одинъ ученикъ,
И собака нигдѣ не завывала...
Онъ проснулся.

А. Радзівевскій.

Г-жѣ Вехтерштейнъ, тещѣ николаевского председателя
„союза русскаго народа“, врачами были прописаны солнечныя
ванны, для принятія которыхъ ей и рекомендовалось поѣхать
на какой-нибудь курортъ. Г-жа Вехтерштейнъ, хотя женщина и
богатая, пожалѣла деньги на поѣздку и рѣшила принять солнеч-
ныя ванны у себя на дому. Съ этой цѣлью днемъ, когда солнце
особенно припекало, она ложилась на окно своей квартиры,
на виду проходящей публики, совершенно голой, подставляя
свое тѣло подъ лучи палящаго солнца. Нѣсколько пріемовъ сол-
нечныхъ ваннъ прошло благополучно, но на дняхъ околоточный
надзиратель составилъ на Вехтерштейнъ протоколъ.

Конечно, будутъ судить г-жу Вехтерштейнъ, но у
нея есть въ запасѣ козырь: продѣлать передъ судьями
то-же, что въ свое время продѣлала Фрина.
Испугаются и оправдаютъ.

Солидное предпріятіе.

Дуракъ-бы до этого не додумался, а вотъ союзникъ
додумался:

ОДЕССА. На благотворительной лотереѣ, устроенной сою-
зомъ р. н., было замѣчено, что нѣкоторые лица усиленно поку-
паютъ билеты, не дающіе проигрышей. Произведеннымъ тутъ-же
разслѣдованіемъ установлено, что билетики съ выигрышами
отличались отъ безвыигрышныхъ оттѣнкомъ цвѣта бумаги.

Интересно, какія благотворительницы участвовали
въ этомъ дѣлѣ? Не тѣ ли, паспорта которыхъ отли-
чаются отъ обыкновенныхъ бѣлыхъ — „оттѣнкомъ
цвѣта бумаги“.

Страшные евреи.

Разбирая причины крушенія ростовскаго поѣзда,
правыя газеты сообщаютъ и такую версію:

Въ моментъ крушенія нѣкоторые пассажиры видѣли двухъ
евреевъ, одѣтыхъ въ черное, которые быстро удалялись отъ
мѣста крушенія въ степь.

Чудесное зрѣніе должно быть у того человѣка,
который темной ночью опредѣлилъ національность
людей, закутанныхъ въ черное.

Мы знаемъ этихъ двухъ евреевъ. Ихъ видѣли
около Ющинскаго, въ моментъ его убійства, они же
посадили Лжедмитрія на Московскій престолъ и они же
вертѣлись около Юлія Цезаря, въ то время, какъ его
убивали.

Очень юркій народъ, эти евреи.

Законникъ.

Кишиневская исторія:

Нѣкто Михаилъ Лобякъ, проживая въ Кишиневѣ свыше
двадцати лѣтъ, обратился въ полицію съ просьбой о выдачѣ
вида на жительство, мотивируя ходатайство соответствующей
статьей закона, разрѣшающей выдачу полиціей паспорта по
истеченіи не менѣе трехмѣсячнаго пребыванія въ данной мѣст-
ности.

Первоначальный отказъ помощника полицеймейстера послѣ-
довалъ въ виду того, что Лобякъ прожилъ въ Кишиневѣ не три
мѣсяца, а... двадцать лѣтъ.

Пусть вдумчивые люди зададутъ себѣ вопросъ:
что было-бы, если-бы этотъ помощникъ полицеймей-
стера служилъ въ Америкѣ, гдѣ человѣка, пріѣхав-
шаго изъ Европы, не выпускаютъ на берегъ, пока онъ
не покажетъ пяти долларовъ, какъ гарантіи противъ
нищенства?

Первымъ долгомъ, въ Америку никогда не попалъ-бы
возвращающійся изъ Европы Вандербилдъ, потому-что
нужно для высадки на берегъ пять долларовъ, а у него
ихъ миллиардъ...

Главою скорбный.

Газеты рассказывают объ одномъ кишиневскомъ администраторѣ:

Не такъ давно пришлось ему цензурировать программу концерта Плевацкой.

Въ числѣ номеровъ значился — „Стенька Разинъ и княжна“.

— Цѣ висѣльникъ. Намъ злодѣевъ не треба.

„Стенька Разинъ“ подвергся полицейскому ауто-да-фе, а въ

программѣ красовалось:

„И княжна“.

Пусть въ слѣдующій разъ Плевацкая попытается спѣть балладу „Попъ-остолопъ и работникъ Балда“...

„Попъ“ и „работникъ“ кишиневскій администраторъ по привычкѣ выкинетъ, и останется на его долю только — „Остолопъ и Балда“.

Не выгорѣло.

Антрепренеръ Новороссійскаго городского театра И. А. Ростовцевъ получилъ телеграмму слѣдующаго содержания: — „Бери мою жену. Будетъ хорошо“. Такъ телеграфировалъ ему одинъ изъ актеровъ, приглашенныхъ на зимній сезонъ. Ростовцевъ, не задумываясь, отвѣтилъ: — „Кому будетъ хорошо? Тебѣ? Вѣрю. Напиши каково будетъ мнѣ“.

Похвальная осторожность въ дѣловыхъ отношеніяхъ.

Вакханалія самоубійствъ.

Слезы вызываетъ нижеприводимый фактъ:

Ялтинскій водолазъ Цурканъ, пріѣхавъ въ Ялту на своей лошади, оставилъ ее съ линейкой безъ присмотра на Старомъ базарѣ, а самъ уѣхалъ въ Гурзуфъ. Истощенная, изможденная лошадь, оставленная безъ пищи и питья, приблизилась къ морю, прыгнула въ него и утонула.

Прыгнула и утонула... А передъ этимъ, борясь сама съ собой, хваталась ногами за голову и тихо стонала.

Кромѣ шутокъ — жуткій фактъ!
Миръ праху твоему, бѣдная страдальца!

Борьба за существованіе.

Въ Московскихъ газетахъ появились рядомъ два объявленія:

1) Въ большомъ Московскомъ электро-театрѣ показывается грандіозная картина:

„Гибель Помпей“.

Постановкой и игрой превосходить „Камо грядеши“.

2) Въ Современномъ электро-театрѣ показывается грандіозная картина:

„Камо грядеши“.

Постановкой и игрой превышаетъ „Гибель Помпей“.
Борьба — такъ борьба! Правильно! Макароны допускаются!

Деликатное обращеніе.

Въ „Кіевской Мысли“ напечатано объявленіе:

Просятъ черныхъ кошку и молодого кота, пропавш. изъ д. № 29 по Кадетскому шоссе, указать гдѣ они.

Увы! Слабая безпочвенная надежда на то, что бѣглецы купятъ газету и прочтутъ тамъ обращенную къ нимъ просьбу.

Гостепріимство.

Варшава. Редакторъ журнала „Praga Zbarno“ оштрафованъ на 200 р. за стихотвореніе, посвященное гостящему въ Варшавѣ французскому литератору Домо.

Вотъ тебѣ разъ! А еще говорятъ, что у французовъ свобода печати.

НА ВЫСТАВКѢ РАБОЧИХЪ ЛОШАДЕЙ.

Рис. В. Лебедева.

Успокоилъ.

- Пас-сюште, что это такое?!
- Это-съ? Першеронъ, ваша милость.
- То-то. А я ужъ думалъ, не лошадь-ли это.

ПАЛАСЬ-ТЕАТРЪ.

„Птички пѣвчія“, оперетта въ 3 д., муз. Оффенбаха, въ инсценировкѣ и постановкѣ Юв. Бѣляева

Стою я сейчасъ съ перомъ въ рукѣ передъ дѣломъ неизяснимой, неслыханной трудности: нужно похвалить оперетку, поставленную Юриемъ Бѣляевымъ и разыгранную артистами Палась-Театра.

Нужно похвалить оперетку...

А какъ я ее похваляю, когда у меня и красокъ-то нѣтъ такихъ, на моей палитрѣ; когда за пять лѣтъ журнальной работы я уже привыкъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ругать оперетку, унижать

готовки — перо и начинай снизу — вверху, справа — налево.

* * *

На сценѣ все сдѣлано такъ, чтобы ласкать глазъ и ухо. Прежде также стремились къ этому, но не хорошо стремились, грубо: ухо ласкали такъ, что оно краснѣло, а глазъ ласкали бутылкой или мѣднымъ подсвѣчникомъ — такое оставалось впечатлѣніе отъ „пышныхъ“ постановокъ.

У Бѣляева много настоящаго вкуса, такта и умѣнія не пересолить. Въ его постановкѣ чувствуется какая-то аристократичность, изысканность. Онъ во многомъ вольничаетъ, онъ „выдумщикъ“, но ему безъ борьбы хочется вѣрить. И не трудно.

Первый актъ (на этомъ, кажется, сошлись все) — великолѣпнѣе. Второй тоже нравится своей солнечностью, пышнымъ праздникомъ яркаго дневнаго свѣта; гирлянда красивыхъ пестрыхъ платьевъ на фонѣ свѣжей зелени радуется глазъ. Хорошъ также эпилогъ „Отлетѣ птичекъ пѣвчихъ“.

Объ „птички“ очень выгодно выдѣлялись на красочномъ фонѣ въ стильной рамѣ Бѣляевской постановки.

Шувалова показала большое чутье и подошла къ роли съ совершенно „свѣжей“ незаигранной стороны. Изящная, поэтичная, голосистая въ послѣднихъ актахъ — въ первомъ актѣ она такъ провела сцену опьяненія, что даже зрители почувствовали легкое головокруженіе. Все и вся на сценѣ пошатывалось, спотыкалось, объятое винными парами, и надъ всѣми царил опьянѣвшая веселая Перикола, будто невидимо дирижируя этой шумной пьяной вакханаліей. Полагаю, что Бѣляевъ доволенъ своей Периколой, какъ онъ долженъ быть доволенъ и Пикилло-Феона — умнымъ чуткимъ актеромъ.

Я читалъ рецензіи петербургскихъ газетъ о „Птичкахъ“... Съ Шуваловой поступили по заслугамъ: она играла и пѣла очень хорошо — ее похвалили; съ Феона поступили не по заслугамъ: онъ игралъ и пѣлъ хорошо — его обругали.

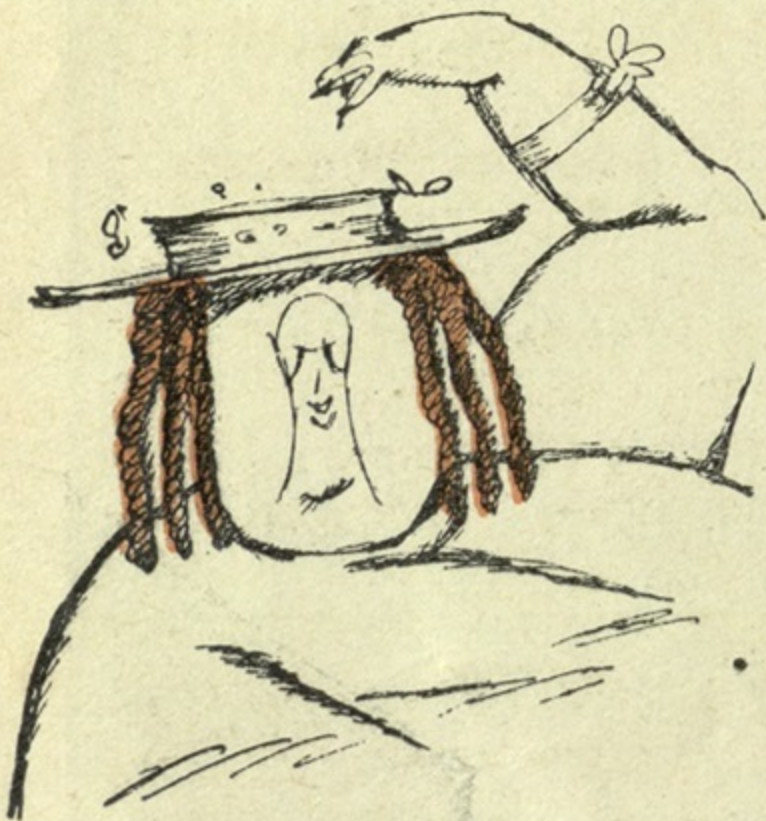
Думаю, что этого актера еще не разглядѣли. Онъ головой выше многихъ, о которыхъ пишутъ, захлебываясь. Молодого актера, если онъ талантливъ, нужно выдвинуть. Но наша пресса выдвигаетъ талантливаго актера своеобразно — изъ театра. Помню, я видѣлъ Феона въ какой-то глупой (эхъ, наконецъ — то можно выругаться!) опереткѣ „Гарденштейнскіе уланы“. Конецъ второго акта, гдѣ артистъ, опозоренный, униженный, пускается въ истерическій плясъ — далъ зрителю истинное художественное наслажденіе. И я помню это до сихъ поръ.

Шувалова — Перикола.

оперетку, издѣваться надъ ней, когда весь хорошій тонъ „рецензента со вкусомъ“ удерживаетъ меня отъ обязанности похвалить оперетку.

Такъ раньше хорошо было, уютно, такъ уже все пригрѣлись на этой теплой лежанкѣ: режиссеры ставили оперетки, актеры играли оперетки, а мы ругали оперетки.

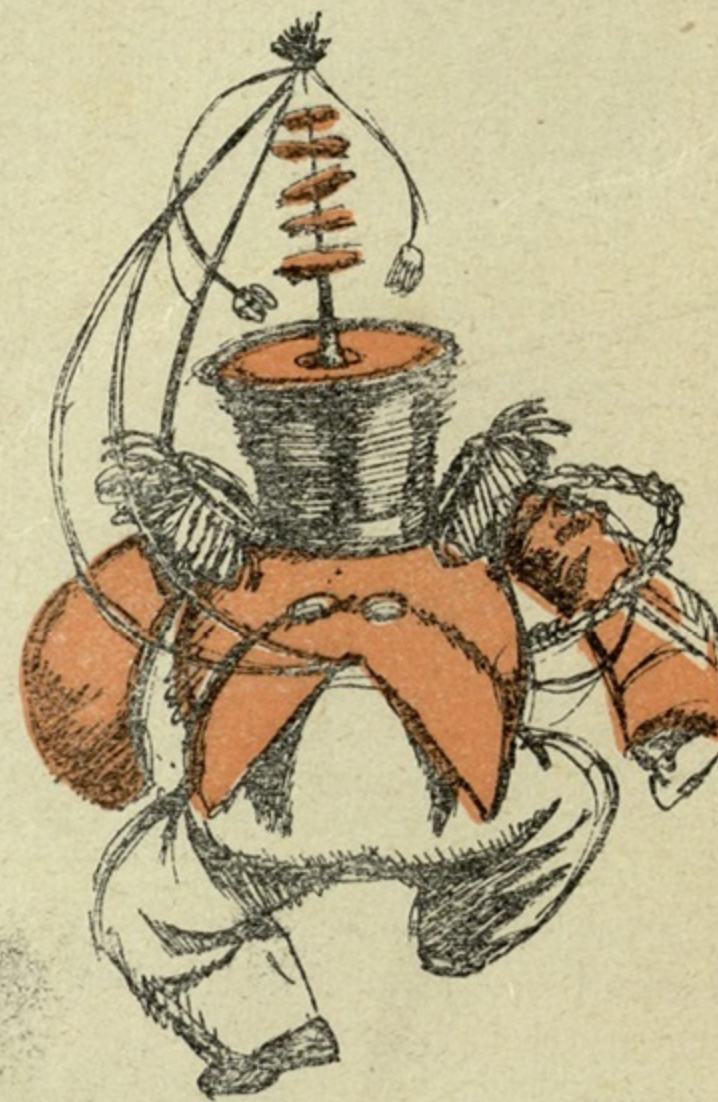

Варламова — сестрица.

Удобно было: „ахъ, писать объ опереткѣ? Да извольте. Которая тутъ оперетка? Вотъ эта? Вотъ я ее“. Вскочишь, какъ колесо въ уютную, выдавленную въ упругой глинѣ колею, и завертишься... Съ такимъ смакомъ. И ужъ ты ее, оперетку эту, и такъ ругаешь, и этакъ... И то, дескать, не хорошо, и это глупо, и хоръ, и то и се, и танцы и манцы *) — крикъ, шумъ, веселый грохотъ.

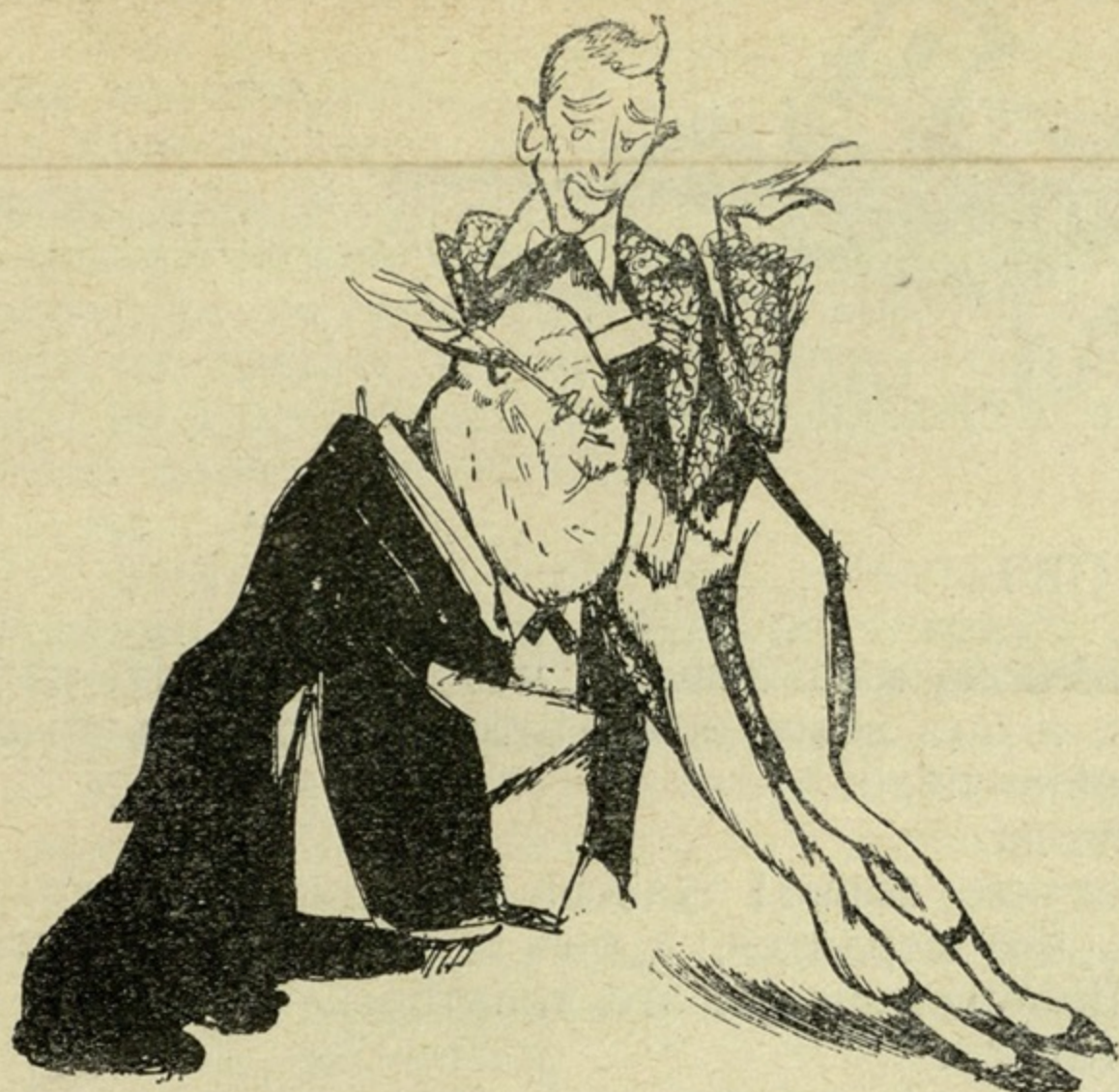
Странно какъ-то хвалить оперетку. Писалъ-писалъ, какъ все люди, слѣва-на-право, строку за строкой, сверху внизъ, а тутъ бери безъ репетиціи, безъ под-

*) Слово „манцы“ тутъ поставлено вовсе не въ качествѣ красивой рифмы къ слову „танцы“, нѣтъ! Въ опереткахъ, кромѣ игры и танцевъ, есть еще такое, чего никто не пойметъ, въ чемъ никто не разберется. Это и есть — манцы.

Ростовцевъ ловить Пикилло.

Можно было-бы сказать, что мнѣ понравился „Прологъ“, но такъ какъ онъ написанъ сотрудникомъ „Нов. Сатирикона“ Потемкинымъ, то не знаю — удобно-ли это?

Нотариусъ (Валерскій) и графъ (Коржевскій).

Заслуживаютъ добраго слова нотариусы, Валерскій и Мартыненко. Шаржированная, но интересная игра и замѣчательные по художественности гриммы. Впрочемъ, послѣднее тоже отъ Бѣляева.

Ростовцевъ необычайно пластиченъ въ нѣкоторыхъ движеніяхъ и позахъ. Смѣшить Варламова.

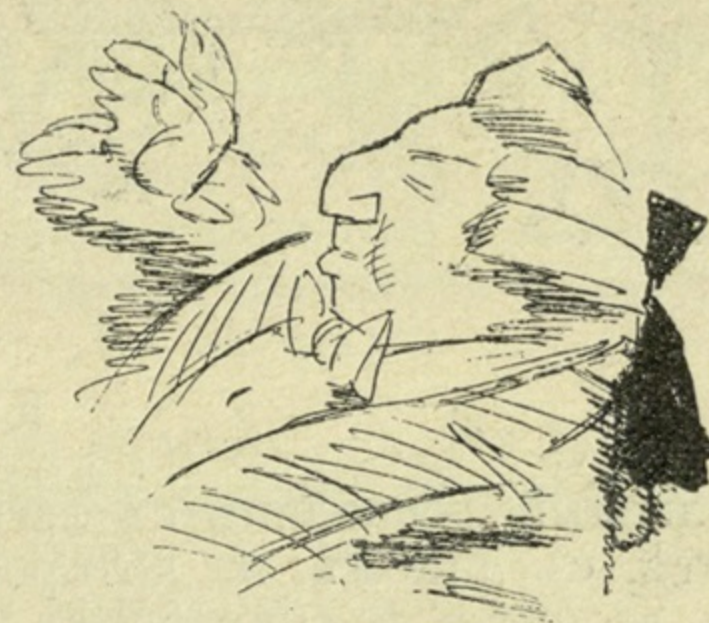

Феона—Пикилло.

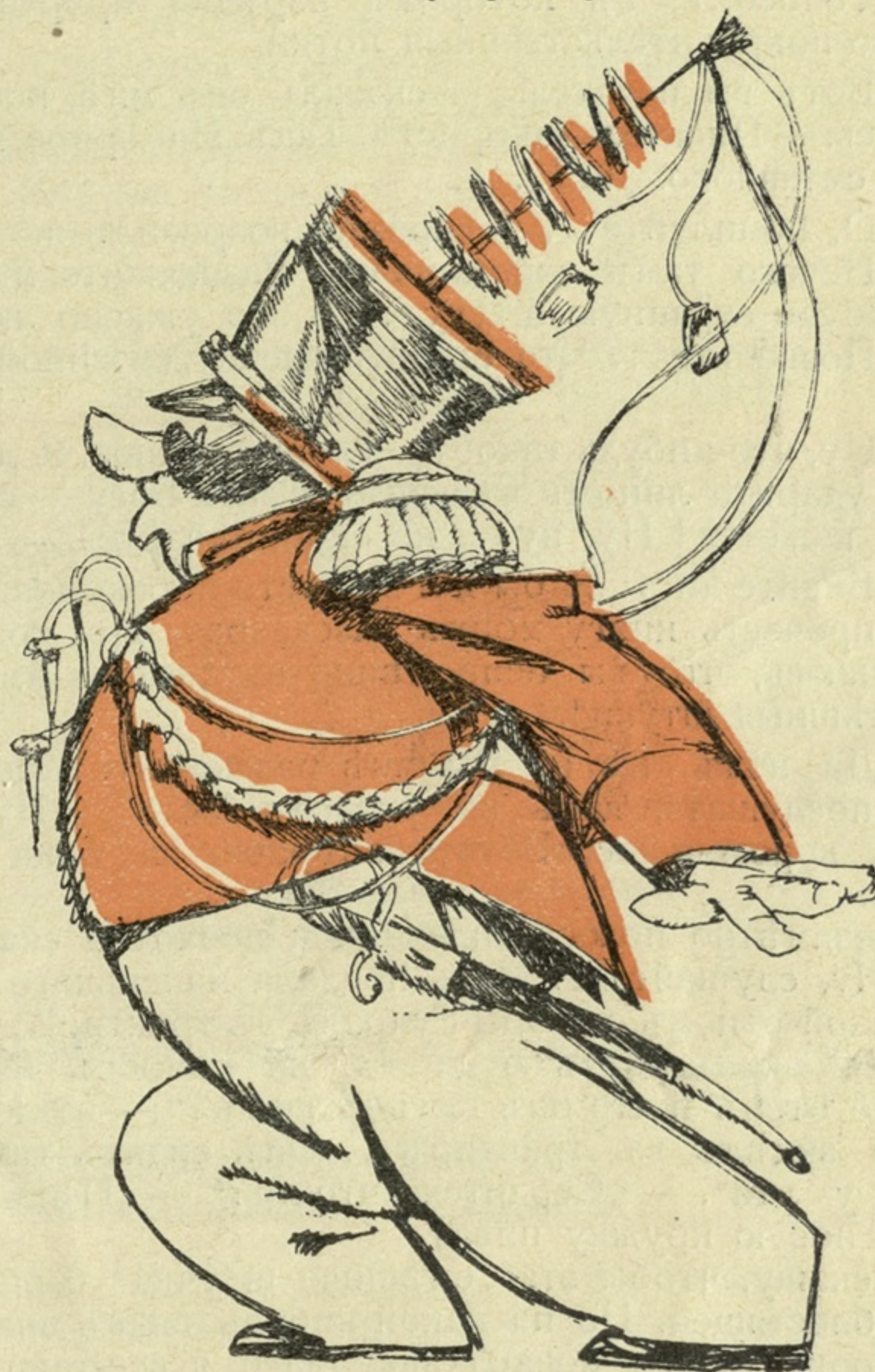
Одно только шокировало: въ первомъ актѣ по сценѣ бродитъ Маска съ надписью на спинѣ: „Паласъ-Театръ“...

Не боялась-ли дирекція, что безъ этой этикетки публика подумаетъ, что она сидитъ въ Мариинскомъ театрѣ?

Или дирекція рѣшила ввести ту „марку“ въ каждой картинѣ, по примѣру Братьевъ Пате, ставящихъ въ углу каждой картины своего знаменитаго пѣтуха.

Вадимовъ — губернаторъ.

Ростовцевъ — полицеймейстеръ.

Эти Сатириконцы всюду проникаютъ — скоро ни о чемъ нельзя будетъ написать, не наткнувшись на Сатириконца. Прямо — бѣда.

Ave.

ПАСПОРТЪ.

Какъ извѣстно, большинство провинціальныхъ редакторовъ не получили даже средняго образованія. Странное на первый взглядъ утверженіе — по изслѣдованіи становится легко объяснимымъ, вполне понятнымъ.

Беру прошлый годъ — годъ предвыборной кампаніи. Кажется, камни и тѣ говорили.

А много говорили провинціальныя газеты?

Беру всѣ 290 номеровъ одной такой газеты. Роюсь, записываю, подсчитываю. За годъ было напечатано 540 статей — почти по двѣ на номеръ.

Темы авторовъ — тертые, перетертые пятаки. Только четыре статьи были посвящены предвыборной кампаніи.

Содержаніе остальныхъ:

- О конкѣ, освѣщеніи, мостовыхъ и водопроводѣ.
- О городскомъ самоуправленіи и мѣщанской управѣ.
- О гимназистѣ, катившемъ на улицѣ ледяшки.
- О каланчѣ, качающейся отъ вѣтра.
- Объ алкоголизмѣ среди псковскихъ учащихся.
- О ломбардѣ и зломъ кассирѣ въ банкѣ.
- О путешествующихъ пѣшкомъ французахъ.

- О томъ, какое мы пьемъ виноградное вино.
- О свѣтовыхъ явленіяхъ въ Аляскѣ.
- Годенъ ли сѣверъ Россіи для огородничества.
- Можно ли вѣрить Демчинскому.
- Тайны кинематографа.
- Путешествіе въ Соловецкій монастырь.
- Шарлатанствующая гадалка.
- Прелести дачной жизни. (15 фельетоновъ съ аксессуарами: крыша-рѣшето, окна безъ стеколъ, флюсъ, чугушка, грибы, торговки).
- Надо-ли бросать курить.
- Почему у насъ годъ начинается перваго января.
- Вліяніе автомобильныхъ гонокъ на шоссеиныя дороги Франціи.
- Ежедневная полемика съ конкурирующей газетою.
- Стихи въ прозѣ Якова Холоднаго.
- Письма изъ Кутаиса (газета издается въ центральной полосѣ Россіи).
- Вотъ и все.
- Типографскій мальчикъ и тотъ могъ бы редактировать такую газету.

В. Д.

ЮМОРЪ ДЛЯ ДУРАКОВЪ.

Это былъ солидный господинъ съ легкой накло- ностью къ полнотѣ, съ лицомъ, на которомъ отража- лись увѣренность въ себѣ и спокойствіе, съ глазами немного сонными, съ манерами, полными достоинства, и съ голосомъ, въ которомъ изрѣдка прорывались ласково-покровительственныя нотки.

— Вотъ вы писатель, — сказалъ онъ мнѣ, познако- мившись. — Писатель-юмористъ. Такъ. Навѣрное, знаете много смѣшного. Да?..

— О, помилуйте... — скромно возразилъ я.

— Нечего тамъ скромничать. Расскажите мнѣ ка- кую-нибудь смѣшную штуку... Я это ужасно люблю.

— Позвольте... Что вы называете „смѣшной шту- кой“?

— Ну, что-нибудь такое... юмористичное. Я думаю, вы не ударите лицомъ въ грязь. Слава Богу — специа- листъ, кажется! Ну, ну... не скромничайте!

— Видите-ли... Я бы могъ просто порекомендовать вамъ прочесть книгу моихъ рассказовъ. Но, конечно, не ручаюсь, что вы непременно наткнетесь въ нихъ на „смѣшныя штуки“.

— Да нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ расскажите! Мнѣ хо- чется послушать, какъ вы рассказываете... Ну, что нибудь коротенькое. Вотъ, навѣрное, за бока схва- тишься.

Я незамѣтно пожалъ плечами и неохотно сказалъ:

— Ну, слушайте... Мать послала маленькаго сына за гулякой-отцомъ, который удралъ въ трактиръ. Сынъ вернулся одинъ, безъ отца — и на вопросъ матери: „Гдѣ же отецъ и что онъ тамъ дѣлаетъ?“ — отвѣтилъ: „Я его видѣлъ въ трактирѣ... Онъ сидитъ тамъ съ пѣной у рта.“ — „Сердится, что-ли?“ — „Нѣтъ, ему подали новую кружку пива“.

Не скажу, чтобы эта „смѣшная штучка“ была осо- бенно блестящей. Но на какой-нибудь знакъ вниманія со стороны моего новаго знакомаго я все-таки могъ надѣяться. Онъ могъ-бы засмѣяться, или просто без- молвно усмѣхнуться или даже, въ крайнемъ случаѣ, покачать одобрительно головой.

Нѣтъ. Онъ поднялъ на меня ясные, немного сонные глаза и поощрительно спросилъ:

— Ну?

— Что „ну“?

— Что же дальше?

— Да это все.

— Что же отецъ... вернулся домой?

— Да это не важно. Вернулся — не вернулся... Все дѣло въ отвѣтѣ мальчика.

— А что, вы говорите, онъ отвѣтилъ?

— Онъ отвѣтилъ: отецъ сидитъ тамъ съ пѣной у рта.

— Ну?

— Видите-ли... Соль этого анекдота, сочиненнаго мною, заключается въ томъ, что мальчикъ отвѣтилъ то, что называется, — буквально. Онъ видѣлъ кружку пива съ пѣной, кружку, которую отецъ держалъ у рта, и поэтому отвѣтилъ въ простотѣ душевной: „отецъ си- дитъ съ пѣной у рта.“ А мать думала, что это фигу- ральное выраженіе, сказанное по поводу человѣка, ко- тораго что-нибудь взбѣсило.

— Фигуральное?

— Да.

— Взбѣсило?

— Да!

— Ну?

— Что еще такое — „ну“?

— Значить, мать думала, что отецъ за что-нибудь сердится, а онъ вовсе не сердится, а просто пьетъ себѣ преспокойно пиво.

— Ну, да.

— Вотъ-то ловко! Ха-ха! Ну, и здорово же: она думаетъ, что сердится, а онъ вовсе и не сердится... Хо-хо! Вообще, знаете, эти трактиры.

— Что-о?..

— Я говорю — трактиры. Еще если холостой чело- вѣкъ ходитъ, такъ ничего, а ужъ женатому, да если еще нѣтъ средствъ — такъ трудноато... Не до трак- тировъ тутъ. Какъ говорится: не до жиру, быть-бы живу.

Я молчалъ, глядя на него сурово, съ замкнутымъ видомъ.

Человѣкъ онъ былъ, очевидно, вѣжливый, пони- мавшій, что въ благодарность за рассказанное — авторъ имѣетъ право на нѣкоторое поощреніе.

Поэтому, онъ принялся смѣяться.

— Ха-ха-ха! Уморилъ! Ей Богу, уморилъ. Папа, говоритъ, въ трактирѣ пѣну пьетъ, сердится... А мать-то, мать-то! Въ какихъ дурахъ... О-охъ-хо-хо! Ну, еще что-нибудь расскажите.

— Э, милый, — подумалъ я. — Тебя такой вещью не проберешь. Тебѣ нужно что-нибудь потолще.

— Ну, я васъ прошу — расскажите еще что-ни- будь...

— Ладно. Въ одинъ ресторанъ пришелъ посѣти- тель. Оставивъ въ передней свой зонтикъ и боясь, чтобы его кто-нибудь не укралъ, онъ прикрѣпилъ къ ручкѣ зонтика такую записку: „владѣлецъ этого зон- тика поднимаетъ одной рукой семь пудовъ... Попро- буйте-ка украсть зонтикъ!“ Пообѣдавъ, владѣлецъ зонтика вышелъ въ переднюю и — что же онъ видитъ! Зонтикъ исчезъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, при- колота записка: „я пробѣгаю въ часъ пятнадцать верстъ — попробуйте-ка догнать“!

Любитель „смѣшныхъ штучекъ“ поощрительно взглянулъ на меня и сказалъ:

— Ну, и что же? Догналъ онъ похитителя или нѣтъ?

Я вздохнулъ и началъ терпѣливо.

— Нѣтъ, онъ его не догналъ. Да тутъ и не важно дальнѣйшее. Вся соль анекдота заключается именно въ курьезномъ сопоставленіи этихъ двухъ записокъ. Авторъ первой, видите-ли, думалъ, что онъ непобѣдимъ, раз- считывая на свои здоровыя руки, и никакъ онъ не разсчитывалъ, что здоровыя ноги гораздо важнѣе.

— Важнѣе?

— Да.

— Сколько онъ тамъ написалъ, что пробѣжить въ часъ?

— Пятнадцать верстъ.

— Это много считается?

— Порядочно.

— А вѣдь поймай этотъ первый-то владѣлецъ зон- тика — похитителя въ то время, какъ тотъ писалъ за- писку, онъ-бы ему задалъ перцу, а? Тутъ и ноги не помогутъ, а?

— Не знаю.

— Это, навѣрное, было давно, я думаю? Въ прежнее время? Теперь-то вѣдь въ переднихъ ресторанахъ всюду швейцары, которые и отвѣчаютъ за пропажу вещей.

— Да.

— Теперь все какъ-то сдѣлалось культурнѣе. По- ложимъ, раньше-то и воровства было меньше. А?

— Да.

Мы помолчали.

— Вопросъ еще, догналь-ли бы онъ похитителя, если-бы даже и умѣлъ бѣгать быстрѣе его. Потому что раньше нужно узнать, въ какую сторону онъ побѣжалъ, да не свернулъ-ли съ дороги, а то могъ просто припрятать зонтикъ, да и отпереться отъ всего: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю никакого зонтика и никакой записки не писалъ“.

— Да.

По моимъ сухимъ сердитымъ репликамъ любитель анекдотовъ почувялъ, что я имъ не совсѣмъ доволенъ и, рѣшивъ по-своему обыкновенію щедро вознаградить меня смѣхомъ, — неожиданно захохоталъ.

— Ха-ха! Ох-хо-хо! Ну, и уморилъ. Выходитъ онъ — гдѣ зонтикъ? Хватъ - позвать, анъ зонтика-то и нѣтъ. Ну, и ловкіе ребята бываютъ. Прямо-таки пальца въ ротъ не клади. И откуда вы столько смѣшныхъ штукъ знаете. Ну, расскажите еще что-нибудь. Ну, пожалуйста, ну, миленькій...

— Рассказать, — прищурился я. — Извольте! Одинъ господинъ, явившись на обѣдъ къ родителямъ своей невѣсты и страдая отъ тѣсной обуви, снялъ потихоньку подъ столомъ съ ноги башмакъ, но въ это время собаченка схватила башмакъ, да бѣжать, а женихъ испугался, вскочилъ, опрокинулъ столъ, причемъ миска съ горячимъ супомъ опрокинулась на тещу — и помчался за собаченкой. По дорогѣ онъ разбилъ дорогую вазу, а потомъ, желая достать для разутой ноги какой-нибудь башмакъ, ударилъ тестя ногой въ животъ, повалилъ его и сталъ стаскивать съ ноги ботинокъ. Но оказалось, что у тестя одна нога была искусственная и вдругъ она отрывается вмѣстѣ съ ботинкомъ, и нашъ женихъ грохается на полъ, обрывая портьеру; но въ это время собаченка, съ башмакомъ во рту...

Дальше я не могъ продолжать: нечеловѣчскій страшный хохотъ душилъ моего новаго знакомаго. Онъ буквально катался по дивану, отмахиваясь руками, ногами, задыхаясь и кашляя. Лицо побагровѣло, и на глазахъ выступили слезы.

— О-охъ, — визжалъ онъ тонкимъ голосомъ. — Довольно! Ради Бога довольно! Вы меня убьете вашимъ рассказомъ!..

Раньше я не понималъ: для чего и кому нужны десятки тысячъ метровъ кинематографическихъ лентъ, на которыхъ изображены: солдатъ, попавшій въ барабанъ и заснувшій тамъ; разсѣянный прохожій, опрокидывающій на своемъ пути дѣтскія колясочки и влюбленные парочки; свадебный обѣдъ, участникамъ котораго шутникъ насыпаетъ за воротъ „порошокъ для чесанія“, молодой человѣкъ, котораго кусаетъ блоха во время объясненія съ невѣстой и который начинаетъ бѣгать по комнатѣ, ловя эту блоху; пьяный, залѣзшій въ матрацъ и катающійся въ такомъ положеніи по людной улицѣ — для чего и кому все это нужно — я не понималъ.

Теперь — понимаю.

Аркадій Аверченко.

Н А Ш Е.

Господи, Боже, Ты мой!
Что за народъ — иноземцы!
Плюнешь, — вернешься домой:
— Тьфу вы, французы и нѣмцы!

Тоже зовутся людьми:
Вѣчно вертлявые, злые,
Юркіе, шутъ ихъ возьми, —
И черезчуръ дѣловые.

Въ домѣ у нихъ чистота,
Выйдешь на улицу — чисто,
Сами гуляютъ форсисто...
Вѣна... Парижъ... — „Красота!..“

Что ни случится, — дебошъ,
Тысячи интерпелляцій;
Такъ всѣ и лѣзутъ на ножъ...
Грохотъ и громъ демонстрацій.

Поѣздъ примѣрно летитъ,
Вдругъ скovyрнулъ... — Крушенъе!
То-то тогда закипитъ!
Сущее столпотворенъе!

„Шерлоки“ всюду снуютъ,
Сзади чиновники тучей
Нѣмцы горланятъ: — „Подъ судъ!“
— „Въ каторгу!.. — „Этакій случай“!..

— „Кто виноватъ?! Не уйти!“
— „Гдѣ нерадивому скрыться!“
И... катастрофъ на пути
Долго теперъ не случится.

Ну, а въ Россіи у насъ
Тихо все, чинно и гладко.
Шумъ и дебошъ — „никогда-съ!“
И — „ни-ни-ни безпорядка!“

Поѣздъ степенно слетитъ,
Жертвы застонутъ степенно,
Явится чинъ (сталактитъ!),
Дастъ приказанья отмѣнно;

Прессу прогонитъ съ пути;
Вкругъ караульныхъ разставитъ;
И виноватыхъ найдетъ
Громко и четко заставитъ.

Будутъ степенно искать,
Лазать степенно въ овраги,
Будутъ степенно писать...
(Цѣлое море бумаги!!)

— „Рельсы-то тутъ не при чемъ.
Чтобы не вызвать „броженъя“,
Мы виноватыхъ найдемъ!
Прежде-жъ всего испечемъ
Грозное „опроверженъе“!

Мертвыхъ потомъ уберутъ,
Раненыхъ сложатъ въ больницу...

Какъ все порядочно тутъ!
Какъ не бранить за границу?!

— „Кто виноватъ?“.. Не найти!
Стрѣлочникъ развѣ?.. Не скрыться!..

А катастрофа въ пути
Завтра... другая случится.

Евг. Вѣнскій.

Рис. А. Р.

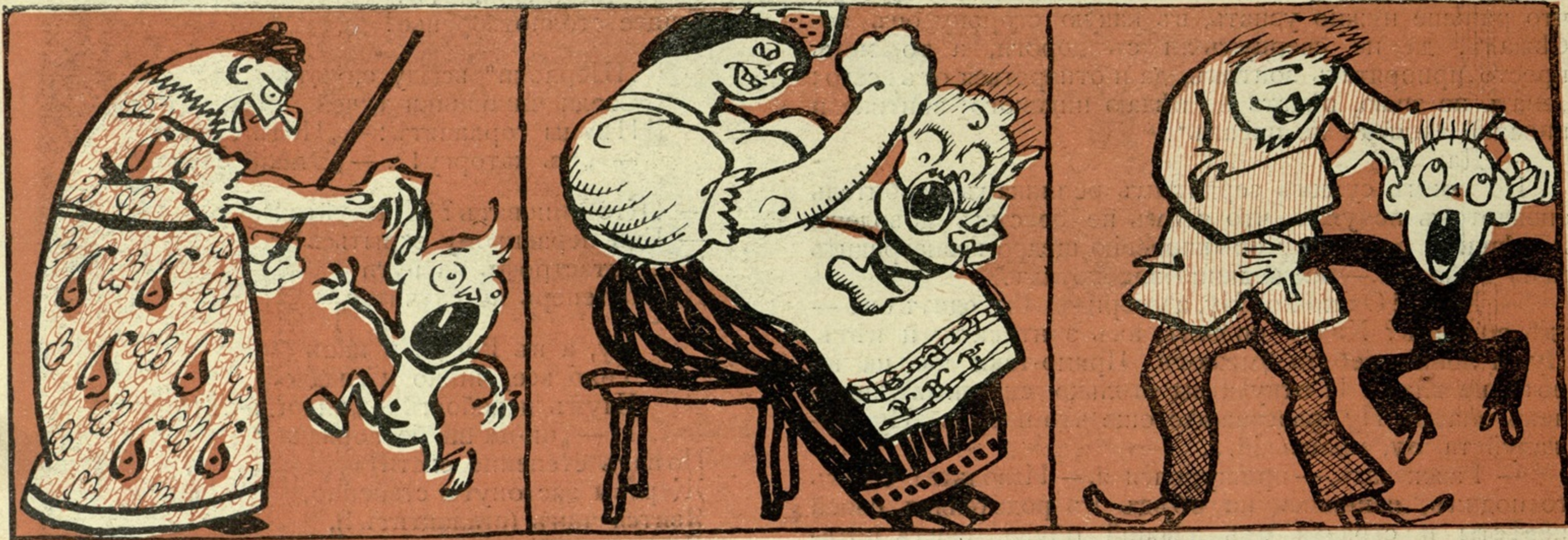

Сверхъ кавалеръ.

ЖИЗНЬ БѢДНАГО МАКАРА ЧО ДАЛЮ.

(Для васъ, пасынки судьбы, рисую я этотъ рисунокъ).

Рис. А. Радакова

Съ первыхъ дней бѣдный Макаръ не зналъ ласки. Родной мамы Макарушка не зналъ, а взяла его на воспитаніе Кузькина Мать, женщина злая и сварливая.

Мамка Макара обращалась съ нимъ не лучше. Злая женщина сейчасъ-же его вронила.

Потомъ настали долгіе годы ученія. Его заставляли учить географію — показывали ему Москву.

Когда онъ отъ такого ученія заболѣвалъ, его лѣчили — прописывали ему ижцу.

Учили его и ариметикѣ, научили считать до двухъ, чтобы онъ могъ сосчитать тѣхъ двухъ, которыхъ за него давали.

Одѣвали его тоже ве важно. Били такъ, что небо ему съ овчинку казалось, — это была его единственная теплая одежда, если не считать ежовыхъ рукавицъ, въ которыхъ его держали.

Хотѣлъ Макарушка зажить своимъ хозяйствомъ. Занялся садоводствомъ, но и тутъ ему не повезло. Въмѣсто яблокъ выросли шишки и даже очень важныя, которыя и валялись на него съ утра до ночи. Занимался и спортомъ бѣдный Макаръ — гоняли его туда, куда онъ телятъ не гонялъ, приговаривая: Будешь ты, Макаръ, тогда лучше жить, когда ракъ свистнетъ!

Вънуждѣ и горѣ доживалъ Макаръ свою многострадальную жизнь... И рѣшилъ онъ пробраться въ ту благословенную страну, гдѣ безъ печали и воздыханій раки зимуютъ — попросить, чтобы какой-нибудь ракъ смилостивился надъ нимъ — свистнулъ. Теплой одежки у Макара не было, ну и замерзъ бѣдняга.

Такъ кончилъ бѣдный Макаръ свою многострадальную жизнь. Кто виноватъ въ томъ, что она такъ печально, такъ безпросвѣтно сложилась. Кто? Скучная ли дѣйствительность, страна, общество, климатъ? О, почему я знаю?! Бѣдные Макары! скажите можетъ быть, вы знаете?

ГРИМАСЫ ГОРОДА.

— А ты, сударыня, ничего плохого не думай, не считай меня за развратнаго, — просто мнѣ семейнаго уюта захотѣлось... Супруга моя съ утра на Васильевскій Островъ къ больной дочери уѣхала.

СОБАКА.

Въ дѣтствѣ я принималъ участіе въ двухъ убійствахъ — сосѣдскаго цыпенка и, неизвѣстной мнѣ, худой маленькой рыжей собаки.

— Первое убійство вызываетъ во мнѣ и до сихъ поръ тоскливое и жгучее чувство стыда, воспоминаніе о второмъ оставляетъ совершенно равнодушнымъ.

Цыпенокъ былъ убитъ, чтобы насолить его владѣльцу, сосѣду-купцу Сорокину; въ лицѣ рыжей собаки я мстилъ умершему, незадолго до нея, учителю географіи.

Вячеславъ Виноградовъ, ставшій изъ человѣка второгодникомъ исключительно по винѣ покойнаго учителя, привелъ ее однажды ко мнѣ на дворъ — вѣрнѣе притащилъ на веревкѣ.

Онъ коротко спросилъ.

— Кого напоминаетъ?

Я посмотрѣлъ въ хорошо знакомые колкіе, желтые, трусливые и злобные глазки, на рыжую шерстку по щекамъ и не колеблясь отвѣтилъ:

— Александра Алексѣича.

Вячеславъ Виноградовъ кивнулъ головой:

— Это онъ. Помнишь, какъ онъ объяснялъ, что кто-то тамъ вѣрнѣе, будто бы человѣческая душа переселяется въ разныхъ животныхъ, въ собакъ, кошекъ? — Это правда.

— Это онъ, — согласился я. — Гдѣ ты его поймалъ?

Я потянулъ за веревку, отчего голова рыжей собаки болѣзненно завернулась на бокъ и оскалились острые желтые зубы — зубы учителя географіи.

Ахъ, какое это было злобное и громадное наслажденіе держать такъ веревку! Но Вячеславъ Виноградовъ тотчасъ же вырвалъ ее, съ совершенно незнакомымъ мнѣ выраженіемъ ревнивой жадности.

— Ловиль бы самъ!

И онъ нагнулся къ рыжей молчаливо стоявшей собацѣ и заботливо ослабилъ веревку.

И сталъ медленно, слишкомъ медленно гладить ея лобъ, стараясь не задѣть маленькихъ, невѣрящихъ ему глазъ.

Мнѣ послышалось, что онъ чуть слышно повизгивалъ. Потомъ онъ сталъ приговаривать тихимъ голосомъ, прерывающимся отъ злорадства и вкусной ненависти:

— Умница — собачка, умница... Славная собачка... хорошая...

И вдругъ изо всѣхъ силъ шелкнулъ ее по носу. Собака тихо взвизгнула, подалась назадъ и уперлась задними ногами. На затылкѣ вздулась складка и поднялась шерсть и еще болѣе стала она похожа на учителя географіи.

Лицо Вячеслава Виноградова изобразило великій испугъ и униженную мольбу.

— Александръ Алексѣичъ, простите... Александръ Алексѣичъ, нечаянно... Ей-Богу, нечаянно.

И тотчасъ же, забывшись, ударилъ ее изо всѣхъ силъ ногой въ бокъ.

Я тоже рванулся, чтобы ударить, но онъ уже успѣлъ отразить ударъ и отскочить въ сторону, какъ собака съ костью.

— Поймалъ бы самъ! — снова крикнулъ онъ.

Онъ боялся, что собаки не хватить и для него одного — до того была велика его ненависть, — я понималъ это.

Потомъ онъ началъ задавать ей вопросы изъ географіи, то ласково и подобострастно, то грубо и лико, то глядя ея жесткую, стоявшую дыбомъ шерсть, то осыпая ее ударами, ловко увертываясь отъ ея зубовъ, щелкавшихъ все слабѣе и безнадежнѣе.

Мнѣ онъ не далъ къ ней притронуться.

Натѣшившись, измучившись и измучивъ, онъ потащилъ ее на пустырь, что примыкало къ нашему двору, самъ нашелъ кирпичъ, самъ привязалъ его къ шеѣ собаки, и самъ бросилъ въ колодезь учителя географіи.

Когда со дна перестали подыматься пузыри, — мы молча разошлись въ разные стороны.

* * *

Изрѣдка я вижу сонъ.

Нѣмая карта и рядомъ пара желтыхъ, колкихъ, трусливыхъ и злобныхъ, маленькихъ глазъ.

Я стою передъ картой и, мучаясь, выбираю черный кружокъ среди безчисленнаго множества черныхъ кружковъ.

Кто-то старается мнѣ объяснить, что я уже кончилъ гимназію, кончилъ университетъ, ушелъ впередъ.

Но черный кружокъ вращается, вращается назадъ и назадъ... сматывая обратно нить моей жизни.

* * *

Воспоминаніе о маленькой рыжей собацѣ оставляетъ меня совершенно холоднымъ.

Слишкомъ велико было сходство.

Георгій Ландау.

У ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ.

(Чертенокъ).

Хрусть! Хрусть! Кто-то по дорожкѣ,
Кто-то по песочку — скачетъ, скачетъ...
Хрусть! Хрусть! Маленькіе рожки:
Маленькій чертенокъ плачетъ, плачетъ.
Дзинь-бомъ! Колоколь вечерній,
Колоколь вечерній плавно плачетъ,
Дзинь-бомъ! Колоколь вечерній,
Маленькій чертенокъ рожки прячетъ, —
Хрусть, хрусть... тихо по дорожкѣ
Замелькали рожки.
Миръ кругомъ...
Дзи-нь — бо-омъ!

Мих. Долиновъ.

ПОСЛѢДНЕЕ УТѢШЕНІЕ.

Маленькая такса, перебѣгая Невскій проспектъ, попадаетъ подъ таксомоторъ.

Колесо автомобиля перерѣзываетъ ее пополамъ, и она выпускаетъ духъ, шепча послѣднія предсмертныя слова:

— Наконецъ-то петербургскіе моторы стали ѣздить по таксѣ!

Волкъ.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ.

Двѣ недѣли какъ брошено скучное Вильно.

По редакціямъ мечется взадъ и впередъ,
 Не везетъ — и опущены руки безсильно:
 Ни стиховъ, ни разсказовъ никто не беретъ...
 У маститаго критика плакалъ въ прихожей
 Отъ одной изъ ненужныхъ и горькихъ обидъ:
 Цыкнулъ критикъ: Подъ Гамсула пишете?.. Тоже!..
 Хлопнулъ дверью и вышелъ суровъ и сердитъ.
 Къ юмористу пришелъ и, краснѣя, прислугѣ
 Обмахренную рукопись передалъ: пусть!..
 Юмористъ, просмотрѣвъ, огрызнулся: Потуги...
 Тутъ не смѣхъ, а какая-то слякоть и грусть...
 Беллетристъ, изъ именъ позабытыхъ недавно,
 Принялъ ласковѣй: — Пишете? Ахъ, молодецъ...
 „Быль сіяющій день и казалось, что...“ Славно...
 Тонъ-то бодрый и стихъ не совсѣмъ нехорошъ...
 Только — что я могу? самого позабыли:
 Вотъ вчера еще — этотъ, теперешній богъ...
 Не хотите-ли чаю съ вареньицемъ? Пили?
 Ну, прощайте... А стихъ-то у васъ вѣдь не плохъ —...
 Два разсказа въ пяточномъ крикливомъ журналѣ,
 Не прочтя, возвратили: Нельзя — велики.
 Цѣлый вечеръ смотрѣлъ на ціанистый калий
 И сжималъ отъ безсильнаго зла кулаки.
 Не рѣшился: Стерплю ужъ, а выдвинусь... скоро...
 И уныло полѣзъ въ чемоданъ за письмомъ:
 „Милый Шмугель! У Васъ вѣдь большая контора.
 Я-же очень прошу Васъ о сынѣ родномъ“...
 Разъ протекція есть — дожидаться не надо;
 Предложили какія-то книги вести,
 Къ Рождеству и на Пасху, конечно, — награда,
 А работы не много: отъ двухъ до шести...

Все-же изрѣдка ночью начнетъ торопливо:
 „Быль вечерній закатъ... И затихнувшій прудъ...“
 Перечтетъ. Улыбнется тоскливо-тоскливо
 И ложится въ постель: все равно не возьмутъ...

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Самая маленькая провинціальная газета можетъ доставить самое большое удовольствіе...

Если въ объявленіяхъ „Бердянскихъ Новостей“ встрѣчаются объявленія о „форменныхъ матеріяхъ въ мануфактурномъ магазинѣ“ — это ничего. На то оно и объявленіе.

Но въ текстѣ той-же газеты (рецензія) встрѣчаемъ такое:

... Словомъ — былъ полнѣйшій ансамбль. А апопей (?) веселья достигъ въ кабарѣ.

Слово, дѣйствительно, трудное. Заковыристое слово. И всѣ они одно на другое похожи: апопей, эпогея, апопея, эпогей. Самъ чортъ ногу сломить.

* * *

А вотъ изящная литература (фельетонъ) изъ „Бессарабскаго Эха“.

Одна молодая дамочка весьма симпатичная, блондинка, съ глазами ореховаго цвѣта отправилась на пароходъ изъ Одессы въ Англію, но, какъ на зло, случилось во время ея пути, что почти вся публика была сырая и ей, какъ образованной личности, весьма было скучно, не имѣя, съ кѣмъ бесѣдовать.

Но, увидавъ капитана она заговорила къ нему (!).

На седьмой уже день, капитанъ посылалъ пациентку (?) во время обѣда и что-бы не дать возможности шалить (?) нервамъ молодой дамочки, то предложилъ ей обѣдать съ нимъ вмѣстѣ въ той-же каютѣ.

Блондиночка встала довольно поздно, что произошло, какъ надо полагать, благодаря тяжелаго ея сна, вслѣдствіе сильнаго передъ таковымъ утомленія мозговой оболочки волновавшимся мыслями...

Всѣ пассажиры должны благодарить лишь милосердному сердечку молодой дамочки...

Если-бы какому-нибудь учебному заведенію понадобился профессоръ по кафедрѣ изящной словесности, то авторъ вышеприведеннаго произведенія смѣло могъ-бы играть роль кафедры.

* * *

Въ томъ-же номерѣ „Бессарабск. Эха“ напечатано стихотвореніе, которое мы обязаны передъ читателемъ — привести цѣликомъ:

Къ...

Зачѣмъ, зачѣмъ узналъ тебя,
 Зачѣмъ глаза твои увидѣлъ,
 Зачѣмъ-же лучше я въ себя
 Булатъ свой раньше не возилъ я.

Зачѣмъ услышалъ голосъ твой!
 Зачѣмъ со мной ты говорила?!
 Зачѣмъ очаровала ты собой?!
 Зачѣмъ меня къ себѣ прельстила.
 Ахъ, сжался, сжался, Ангелъ мой!
 Не будь уже такой жестокой,
 Оставь всѣ пытки надо мной
 И дай вздохнуть душѣ несчастной!

Н. Х.

Всякій, „монахъ трудолюбивый“, которому пришлось-бы случайно наткнуться на этотъ трудъ усердный безымянный, — долженъ былъ-бы пыль отъ этой хартіи отряхнуть, хлопнувъ ею по головѣ автора.

* * *

„Весь Миръ“ пишетъ:

Въ Периваль, близъ Илинга, выкопали недавно рогъ носорога, которому, какъ говорятъ археологи, около 2000 лѣтъ. Вѣситъ онъ почти 10 фунтовъ и имѣетъ 20 дюймовъ въ окружности. Вмѣстѣ съ нимъ найдена старинная золотая монета, вычеканенная 560 лѣтъ тому назадъ.

Кому 2000 лѣтъ? Носорогу или рогу? Съ кѣмъ вмѣстѣ нашли монету? И зачѣмъ носорогу монета, вычеканенная 1½ тыщи лѣтъ послѣ него? Впрочемъ, если кто-либо изъ читателей не вѣритъ, — можетъ поѣхать въ Периваль, близъ Илинга, и тамъ узнать истину.

ЧТО У КОГО БОЛИТЪ...

— Слушайте, вы знаете? Исаакъ Соломоновичъ перешелъ въ вегетаріанство.

— Ой, слушайте, зачѣмъ ему? — Не понимаю! Вѣдь онъ же имѣетъ право жительства!!

КИТАЕЦЪ.

Въ сине-сѣромъ
 Ходитъ китаецъ по городу.
 Коса у него длинна и тонка,
 А на локтѣ корзинка.
 И рукой, закорузлой
 Отъ сѣвернаго вѣтра и холода,
 Перебираетъ онъ червяка
 Изъ мятой бумаги.
 Пыжится червякъ на лучинкахъ,
 Какъ живой шевелитъ усами,
 Горбитъ пеструю спинку
 И переступаетъ ногами.
 Китаецъ Ми-о-но-ванъ,
 Или Юнъ-ши-цы, или Фу-чу!
 Я не знаю, какъ звать тебя,
 Только, изъ далекихъ странъ
 Забрѣдшій къ намъ, ты мучаешь
 Напрасно себя.
 Здѣсь нѣтъ ни рисовыхъ полей,
 Ни полей гаоляна,
 Здѣсь жена твоя почтенная Ю-ли
 Не сможетъ напоить тебя чаемъ
 Изъ той уважаемой чашки,
 Къ которой ты привыкъ,
 Ибо ее разбили злые мальчишки,
 Умѣющіе дергать за косу и высовывать

языкъ.

Уѣзжай въ благословенный Пекинъ
 И на прощанье кивни мнѣ косою,
 А я тебя не забуду.
 Ибо у меня на столѣ, на кипѣ
 Бумагъ, протянулся полосой
 Червякъ, похожій на чудо.
 Странно, но эта мелочь
 Мнѣ важна, важна совсѣмъ неожиданно.
 Я купилъ ее у тебя за двугривенный,
 Но это все, что я могъ тебѣ сдѣлать!

Потемкинъ.

Рис. Миссъ.

О С Е Н Ь.

Осень. Пора листопада.
На панели у сада — желтые листья.
А дальше, гдѣ ниже ограда,
Рябина свѣсила красныя кисти.
И грустно Траурной Дамѣ
Оттого, что листья шуршатъ подъ ногами.

Для своей ежедневной прогулки
Передъ обѣдомъ
Выбираетъ она переулки.
Она идетъ. И за нею слѣдомъ
Вяло плетется ея экономка,
Поправляя чепецъ и вздыхая громко.

У Дамы большая шляпа
Съ черной вуалью.
Боа скрѣпляетъ звѣриная лапа.
У дамы черты овѣяны тихой печалью,
И въ сѣрыхъ глазахъ, привыкшихъ къ власти —
Потухшія страсти.

Сентябрьскія сумерки. Голубыя зарницы
Гудящихъ трамваевъ
Дрогнули гдѣ-то. Ропотъ столицы
Смутенъ, сюда долетая.
И здѣсь, у каменныхъ длинныхъ заборовъ,
Ночь наступаетъ скоро.

Траурной дамѣ не нужно шума,
Жгучихъ вспышекъ, страстныхъ тайнъ...
Темному цвѣту ея костюма

Идетъ унылый пейзажъ окраинъ.
Таятъ рѣсницы холодъ раздумій.
Никто не вспомнитъ царицу безумій...

Никто не вспомнитъ полночныхъ оргій,
Святынь сожженныхъ, разбитыхъ жизнью,
Когда она на безстыдномъ торгѣ
Была всѣхъ порочнѣй, злѣй и капризнѣй.
Никто не застонетъ, не броситъ проклятье
За ея невѣрный поцѣлуй и объятье.

— „Марья Петровна, домой не пора-ли?
Боюсь, пережаритъ Феклуша второе“...
Не хочется дамѣ въ черной вуали
Нарушить молчанье. Въ шопотномъ роѣ
Вьющихся листьевъ возлѣ ограды —
Столько странной и жуткой отрады...

Дома ночью въ одинокой спальней
Такъ беспощадно стекло туалета.
Дома больно въ рамѣ овальной
Видѣть профиль мужского портрета,
Перебирать пожелтѣвшія письма,
Полныя зноя, тоски и лиризма...

Осень. Пора листопада.
Листья шуршатъ отъ ночныхъ дуновений.
Траурной дамѣ ничего не надо,
Кромѣ забвенья.
Въ десять ложиться, просыпаться въ восемь.
Сердце устало. Осень.

Дмитрій Цензоръ.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ

Михайловская площадь, 13.
Тел. 85 99, 64-76, 149-53.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА-ОПЕРЕТТА.

Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кош-
кинъ, В. Н. Пигалкинъ, М. С. Харито-
новъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко.

СОСТАВЪ ТРУППЫ.

Е. И. Барламова, Е. В. Эбр.-Пашковская,
В. В. Кавецкая, Е. Ф. Лерма, А. Г. Пекар-
ская, В. М. Шувалова, А. С. Аренская.
Е. А. Авдѣева, в. Н. Балле, Н. А. Дар-
вичъ, М. в. Марьянова, О. К. Рейская,
А. К. Флигенъ; Гг. Н. М. Антоновъ,
А. М. Брагинъ, В. Ю. Вадимовъ, А. Ф.
Валерскій, И. И. Коржевскій, М. Д. Ксенд-
зовскій, А. Н. Феона, К. В. Дагмаровъ,
К. И. Дмитриевъ, М. Ф. Клодинскій,
К. Л. Людвиговъ, Н. К. Мартыненко,
Н. Х. Тугариновъ.
Гл. реж. В. Ю. Вадимовъ Реж. А. Н. Польш-
Гл. кап. В. И. Шпачекъ.

**СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО
КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА и ОПЕРЕТТА.**

Главн. режис. В. Ю. Вадимовъ. Главн. Кап.
В. Шпачекъ.

Начало въ 8¹/₂ час. вечера.

Променуары въ театрѣ 1 руб.

Готовится въ постановкѣ Юр. Д. Бѣляева —
„Птички Пѣвчія“.

**Первоклассный
Кафе-концертъ.**

Лучшая программа
Европ. сценъ при
участіи знамен.

Телло и Патти.

Первоклассная кухня
поруч. луч. кулинару
Г. А. Ермолову.

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ

Литейный, 51. Тел. 112-75.

Подъ упр. Б. С. Невелина.

Поставлены будутъ: 1) „Домъ въ переулкѣ“, происх. въ 1 д.
2) „Дамы“, ком. Арк. Аверченко 3) „Выборъ невѣсты“, балетъ
и прологъ М. Кузьмина. 4) „Лѣсная Венера“, Оск. Штрауса и
„Око за око“ — пер. съ французскаго.

Въ антрактахъ ИНТЕРМЕДИИ интимнаго театра.

Художникъ В. И. Быстреницъ. Завѣд. музык. частью гг. Якоб-
сонъ и Комаровъ. Хореогр. Б. Г. Романовъ.

Режиссеры: Б. С. Невелинъ, Баронъ Р. А. Унгернъ.

Начало въ 9 час. вечера.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

О. Зильбербергу. — Изъ разсказа „Ложь“:
— „... Я протянулъ свою визитную карточку выскочившей на звонокъ горничной и, узнавъ, что Мушкиныхъ нѣтъ дома, загнулъ (?) ее“.

Обидѣть бѣдную дѣвушку только за то, что ея господъ нѣтъ дома — поступокъ грубый и безтактный.

Въ наказаніе уничтожили вашу рукопись!

7 лин. Вас. Ост. — Дамъ Л. — „... Онъ взбрызнулъ себя морфій“ ...

Эхъ! Отвѣтъ вамъ такъ и просится на языкъ, да ужъ Богъ съ вами... Проходите мимо.

Б. Провинція.

Варшава. — Крокодилу. — „Не найдете-ли возможнымъ сунуть куда-нибудь прилагаемые стихи“.

Пожалуйста. Желаніе настолько скромное, что не исполнить его было-бы грѣшно.

Могилевъ. — Чиху.

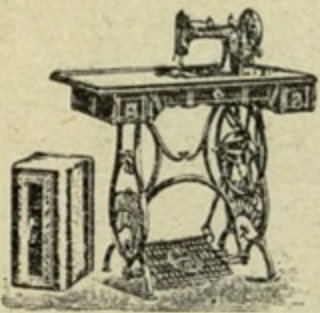
Дамъ своимъ поступкомъ страшно веселя,
Я выдѣлывалъ ногами кренделя.

Лишнее доказательство тому, что булочное производство у насъ поставлено самымъ антигигиеничнымъ образомъ. Кромѣ того: 1) „Морщинистыхъ глазъ“ не бываетъ... 2) „Кирпичевое производство“ нельзя сказать и 3) „румянецъ во всю голову“ — бесмысленно.

Когда у васъ лысина будетъ во всю щеку, вы, вѣроятно сами поймете это.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

ЗАПОМНИТЕ!

ШВЕИНЫЯ МАШИНЫ НАСТОЯЩІЯ ОРИГИНАЛЬ-ВИКТОРІЯ

имѣются только въ нашихъ двухъ складахъ: Гороховая ул., д. 48. Телеф. 421-54. Литейный пр., д. 40. Телефонъ 38-75.

Имѣются также сист. ЗИНГЕРА и др.

Требуется иллюстрированный каталогъ № 1.
Допускается ЛЬГОТНАЯ РАЗСРОЧКА платежа.
Художественной вышивкѣ обучаемъ бесплатно въ магазинѣ.
Торг. домъ Лиръ и Россбаумъ, С.-Петербургъ.

СЛОЖНЫЙ КРОВЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ

ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ.
Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ питательн. веществъ въ Лондонѣ.

Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.

Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. — Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты, Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при малокровіи, ослабленіи организма, неврастеніи, истеріи и проч. Съ большимъ успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ! Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67. Р. С. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка на домъ бесплатно.

ПЕРСИДСКІЕ КОВРЫ

НОВЫЕ и АНТИЧНЫЕ.

== РАЗНЫХЪ СОРТОВЪ и РАЗМѢРОВЪ. ==

Непосредственно изъ Персіи

Ю. І. ХАНЪ-ПИРА,

Эртелевъ 6, телеф. 233-45.

ПОЧИНКА КОВРОВЪ ЗАНОВО
мастерами изъ Персіи.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВѢНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. ■ Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГИГИЕН. РЕЗИН. ИЗДѢЛІЯ
(предохранители)

для спец. наобн. гигиен. приборы изъ зол. и серебра для дамъ и мн. др. интер. новин. 1 рѣб. илл. пр.-кур. безпл. или въ закр. ковз за 21 к. марк.

Америк. складъ
ДЖОНЪ РОДЖЕРСЪ.
Спб., Невскій, 60—21.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный, общественно-политическій, литературно-художественный, научный и иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

Земля

Подписная плата съ доставкой и пересылкой на 1 годъ — 5 р., на 6 м. — 2 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 25 к. и на 1 м. — 50 к. За границу: на 1 г. — 7 р., на 6 м. — 3 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 75 к. и на 1 м. — 70 к.

Цѣна отдѣльнаго № 15 к.

Контора и редація: С.-Петербургъ,
о о Николаевская, 16, кв. 31. о о

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ и ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
3-е изданіе книги

Аркадія Аверченко

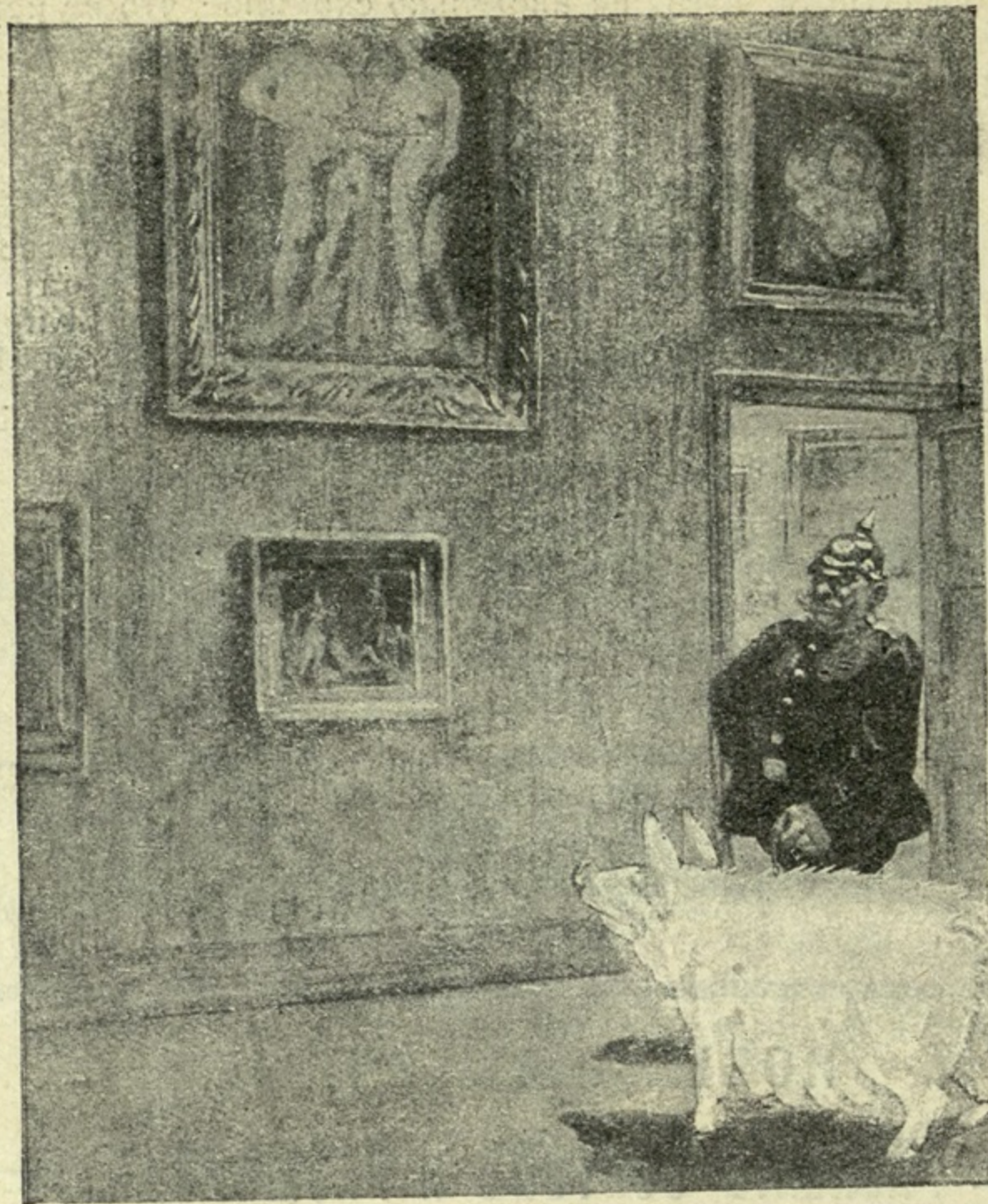
ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

Ю МОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Обложка А. Радакова.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп. — СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ: Кн. складъ „Земля“, Невскій, 55.

Выписывающіе изъ склада — за пересылку не платятъ.

Цѣнители искусства.

Русско-французскій флиртъ.

Японецъ. — Ты меня неси, а я буду тебѣ говорить, куда тебѣ идти и сколько верстъ мнѣ твоихъ владѣній нужно.

Комиссія Карнеджи о балканскихъ зверствахъ.

— Господа, чтобы не разобратся, чьи эти руки, ноги и уши, турецкіе или славянскіе, — мы скажемъ, что степень цивилизации у обѣихъ расъ одинакова.

СЧАСТЬЕ.

Судьба ткнула корявымъ пальцемъ въ цвѣтникъ, который несла на головѣ Нелли, потомъ ласково похлопала по небольшой лысинѣ человѣка въ смокингѣ и сказала:

— Да будетъ.

И было: глаза Нелли заволоклись грустной, грустной дымкой...

Точно минуту назадъ упала шляпная булавка, вѣтеръ рветъ и ломаетъ цвѣтникъ на головѣ, а она идетъ неизвѣстно куда и зачѣмъ и такая одинокая, несчастная...

И было: вспотѣла вдругъ лысинка молодого помощника присяжнаго повѣреннаго...

Предсѣдатель суда пожалъ по ошибкѣ руку, или дружески показалъ вставные зубы?... Нелли вздохнула шумно и нѣжно.

Море грызетъ берегъ, или тихо стонетъ малиновка?..

Человѣкъ въ смокингѣ вспотѣлъ вторично и прошепталъ страстно:

— Какъ хорошо!.. Фонари горятъ... извозчики ѣдутъ.

Рука Нелли задрожала, и Нелли, одинокая и несчастная, прижалась къ своему спутнику.

Подъ цвѣтникомъ, въ черепной коробкѣ шевельнулось что-то, поднялось на лапки и побѣжало:

— Господи, какой милый, какой остроумный... И... глупъ какъ: жметъ и мычитъ.

А судьба не унималась... Корявый палецъ перешелъ отъ цвѣтника и лысинки къ поперечно-полосатымъ тканямъ сердцець...

Стало необыкновенно весело и радостно... Какъ странно и смѣшно: живутъ въ одномъ дворѣ, въ одномъ домѣ и не знаютъ другъ друга... И нигдѣ не встрѣчались...

Нелли хитро щурила глаза.

— А я часто видѣла васъ съ портфелемъ... Почему онъ у васъ такой большой? Неужели все дѣла?!

Подъ смокингомъ крахмальная сорочка дала трещину, а сердце все билось и билось...

— Я видѣлъ васъ каждый день на балконѣ... И странно, когда не было васъ, не было и балкона... Я не замѣчалъ его... Да, да...

Судьбѣ надоѣла длинная процедура и она грубо крикнула:

— Скорѣе. Некогда.

Человѣкъ съ лысинкой вспотѣлъ еще разъ и неловко обнялъ одинокую Нелли.

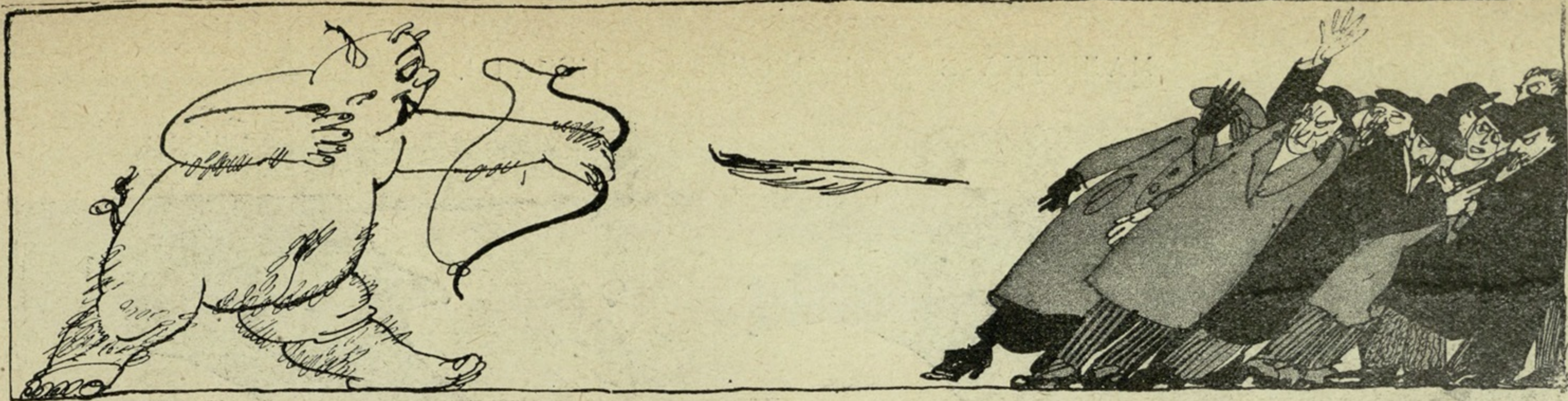
Задыхался и шепталъ:

— Я люблю... люблю...

Подъ цвѣтникомъ и хитроумнымъ издѣліемъ куафера шевелилось что-то и ползало, какъ осенняя муха:

— Вотъ и все... Кажется, счастье... Мнѣ 28... Пора... Онъ глупъ, но добръ... Какіе у него противные, колючіе усы!..

Мих. Вознесенскій.

Журналь „Новый Сатириконъ“ — лучшее для зубов!!!

Если вы хотите имѣть ваши зубы красивыми и блестящими — выписывайте на второе полугодіе „Новый Сатириконъ“ ...

До сихъ поръ это полезное свойство „Нов. Сатирикона“ не приковывало ничьего вниманія, но теперь мы рѣшили, не пугаясь возгласовъ изумленія и недоумѣнія, заявить во всеуслышаніе: „Новый Сатириконъ“ — лучшее для зубовъ!

— Въ чемъ же дѣло? — спросить читатель...

Предположимъ, вы подписываетесь на 2-е полугодіе на нашъ журналь. Когда швейцаръ подаетъ вамъ свѣжій обандероланный номеръ и вы разрываете въ присутствіи своихъ домашнихъ бандероль — широкая

улыбка начинаетъ бродить по вашему лицу, обнажая ваши зубы... До полученія журнала, можетъ быть, никто изъ домашнихъ и не подозрѣвалъ, что у васъ зубы никуда не годятся (люди съ плохими зубами предпочитаютъ, вообще, не открывать рта), но теперь всѣ начинаютъ замѣчать вашъ дефектъ и даже указывать вамъ на него... Что же вамъ остается дѣлать? — Пойти къ зубному врачу и вставить хорошіе зубы.

Вообразите же удивленіе и восторгъ домашнихъ, когда при полученіи слѣдующаго номера журнала вы будете щеголять свѣжими, красивыми, блестящими зубами!..

Примѣчаніе. У розничныхъ покупателей „Новаго Сатирикона“ улучшеніе зубовъ не наблюдается. Всякій пойметъ, конечно, — почему.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ дост.) 6 р. Съ перес. и дост. 6 р. 50 к., полгода 3 р. 25 к., 3 мѣс. 1 р. 75 к. Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Издательство „Новый Сатириконъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада изданія — за пересылку не платятъ.

<p>На складѣ имѣются слѣдующія книги:</p>	<p>Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ:</p>
<p>Аркадій Аверченко. „Разказы для выздоравливающихъ“. Изд. 5-ое. Обложка работы художника А. Юнгера. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.</p>	<p>Аркадій Аверченко. „СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ“. Томъ I-й. Третье изданіе. Цѣна 2 руб.</p>
<p>А. Мюрже. „БОГЕМА“. Роскошное иллюстрированное изданіе. Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>Дмитрій Цензоръ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“. ЛИРИКА. Изд. Аркадія Аверченко. Выходитъ въ послѣднихъ числахъ Сентября. Складъ изданія „Новый Сатириконъ“ (Невскій 98).</p>
<p>Аркадій Аверченко. „Миніатюры и монологи для сцены“. Томъ II-й. Содержаніе: Новогодняя пасха, Рождественная кровь, Старики, Лѣто, Ложь, Знаменитый трансформаторъ, Власть рока, Таинственный гость, Прологъ, Функельманъ и сынъ, Роковая гребенка, Загадочная телеграмма. Цѣна въ изящной обложкѣ 2 руб.</p>	<p>Аркадій Аверченко. „ЧОРТОВА ДЮЖИНА“ (двѣнадцать пьесъ). Томъ III-й. Цѣна 2 рубля.</p>
	<p>Өма Опискинъ. „СОРНЫЯ ТРАВЫ“. Разказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.</p>
	<p>Аркадій Аверченко. РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ. (Всѣ выпуски—изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 к.</p>

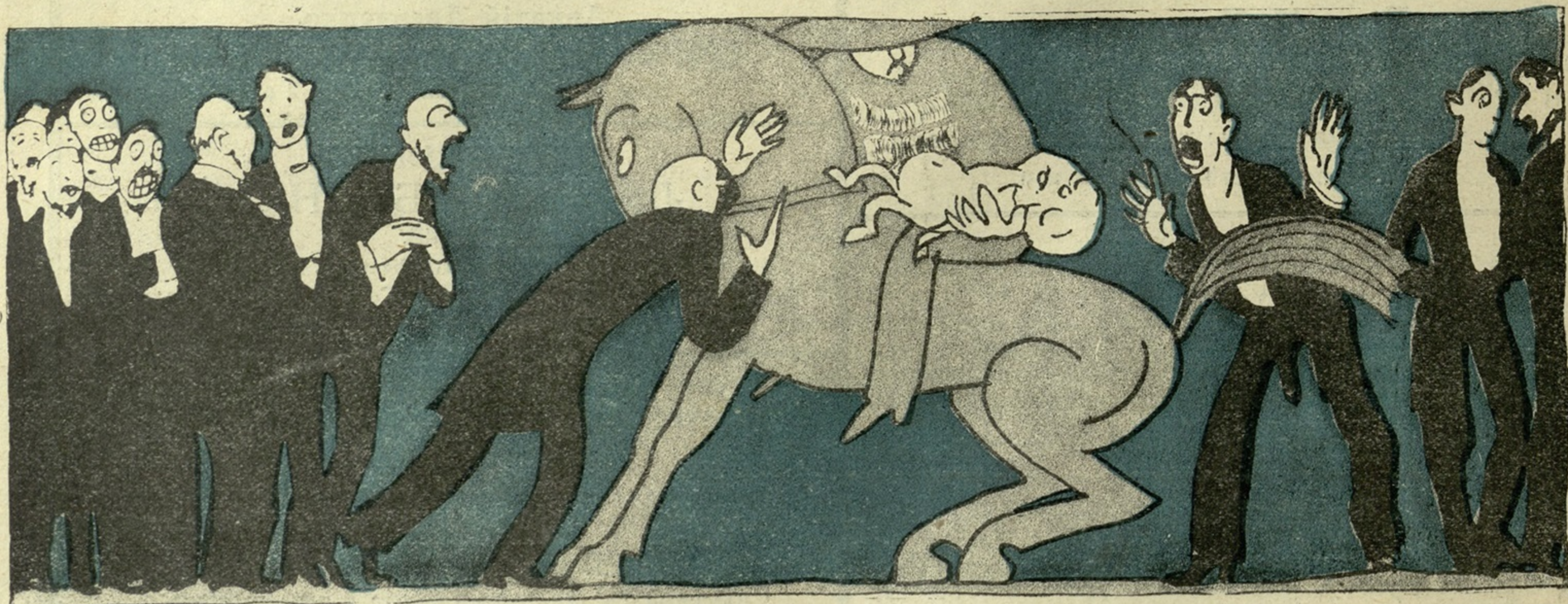
Кто скачетъ, кто мчитъ подь хладною мглой?
 Ёздокъ запоздалый*); съ нимъ сынъ молодой.
 Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ.
 Обнявъ, его держитъ и грѣбеть старикъ.

У - у, ты, лядашій буржуйскій сынокъ!
 Вотъ двину, такъ сразу покатишься съ ногъ.
 — Дитя, отчего ты въ смятеньи такомъ?...
 — Родимый, эсь-дѣкъ миѣ грозитъ кулакомъ...

— Папа твой, навѣрное, былъ Сапоговъ?...
 У-лю, креатура чиновныхъ мозговъ!!
 — Дитя, ты дрожишь весь, закутайся въ пледъ...
 — Меня Сапоговымъ ругаетъ ка-детъ!..

— Знавалъ я папашу,—лихого бойца.
 Въ кого-же ты вышелъ: ни въ мать, ни въ отца...
 — Дитя, ты дрожишь, какъ осиновый листъ...
 — Меня недоноскомъ бранитъ октябристъ.

— Ишь, красная шельма, и такъ и рас-такъ.
 Цѣна шабесгою истертый пятакъ!..
 — Дитя, мы ужъ скоро прїѣдемъ домой...
 — Съ резиною правый несется за мной...

... Скорѣ... Вотъ куполь надъ Думой блеститъ...
 Малютка трясется, малютка хрипитъ.
 Ёздокъ погоняетъ, ёздокъ доскакаль.
 Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Р.я.

*) И вѣрно — запоздалый. Эта бюрократія всегда запаздываетъ